

Анархист

Проект Лета

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Тихонов Михаил

Михаил Тихонов

Анархист

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тихонов М.

Анархист / М. Тихонов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Обычный день. Обычная жизнь. И надо было появиться этому призраку из прошлого? Хотя... Генрих тут и не причем. Можно сказать, он даже спас мне жизнь. Ведь если бы не он, я бы так и остался в городе. Пополнив собой множество жертв Первого удара... А так глядишь и побарахтаемся...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Испив воды реки забвения,
Души умерших уже не помнили себя,
Не могли найти путь обратно в мир живых.
Их участь – вечно скитаться по миру мертвых.

Пролог

Ночь. Я люблю ночь. Она скрывает своим покрывалом то, что натворили люди. Не хватает лишь звезд на небе. Хотя о чем я? Какие звезды? Уже семь лет на небе нет ни звезд, ни луны, ни солнце. Только плотный облачный покров из тяжелых туч. Каждый раз, выходя из помещений мы молимся, чтобы не пошел красный дождь. Помню... Я помню, а очень хочется забыть. Забыть этот кошмар первых лет после Конца. Впрочем, это все в прошлом. Большой мир, безграничные возможности, которыми так и не удалось воспользоваться.

Костер медленно пожирает сырые поленья. Я смотрю на огонь. Этот пост у большого разлома решили выставлять лишь недавно. После того, как в поселок прорвалась какая-то непонятная тварь из большого мира. Мира за Разломом, опоясавшем мою родную деревню. Снова потери. На момент конца Узян итак насчитывал чуть больше полутора тысяч жителей, а сейчас спустя семь лет осталось лишь чуть больше пяти сотен. До сих пор не знаю, из-за чего и почему все началось. Мне повезло, моя семья была со мной. А кто-то потерял всех. Я вырос в деревне, знал почти каждого по именам. Да какое-то время жил в городе, но вот так судьба распорядилась. Рок наверное. Всю жизнь я пытался вырваться из медленно, но верно угасающего села, а судьба вишь как сгримасничала.

Пошевелив прогорающий сук, я докинул в костер пару заранее нарубленных поленьев и кинул взгляд на своего напарника. По совместительству, приходившемуся мне племянником. Тот спал без задних ног. Ну да. Молодежь мы к рейдам в леса не привлекали, вот они и расслабляются в дозорах. А лес... Он изменился после удара. Я это чувствую. И с каждым годом он набирает силу, копя злобу на остатки людей, уцепившихся за свою никчемную жизнь. Что творится на планете я не знаю. Да если честно, мне все равно. Где-то заухал филин. На всякий случай я придвинул старую ижевскую двустволку поближе к себе и приоткрыл куртку, чтобы в случае чего можно было легко выдернуть патрон из патронташа и перезарядиться.

Ночью хорошо думается. Почему же ко мне вновь и вновь возвращаются воспоминания о прошлом. О потерянном Рае, как считает большинство выживших. Возможно они правы, но я так не считаю. Человечество заслужило свою участь. Зарвалось, заигралось.

Что-то не давало мне покоя, еще раз кинув взгляд на Китыча, я поднялся с чурбака, переложил ствол на левое предплечье, правой рукой держа ружье за шейку приклада и вытянув указательный палец вдоль казенника. Пару шагов, и вот уже тьма поглотила меня полностью. Я растворяюсь во тьме, становлюсь тьму и прислушиваюсь к ней. Тишина... Абсолютная непроницаемая тишина. Только где-то слышится шуршание осыпающихся под чьими-то лапами камешков. Вроде все спокойно. Я растворился в тишине. Разум уплывает и настойчиво тянет меня назад. В прошлое. Тот период жизни, который бы мне очень хотелось забыть. Шуршание осыпи все усиливается. Я слышу, как камешки стучают друг о друга и катятся вниз... Катятся, катятся, катятся?

Резко вскидываю ружье одной рукой и стреляю практически на звук. Грохот выстрела разносится далеко и резко бьет по ушам. Сбрасывая наваждение. Какие, нахрен, камешки? Пост расположен на поляне, в разросшемся кустарнике. Здесь не должно быть камней от слова совсем. Ближайшее место, где можно найти осыпь – это собственно сам Разлом, но до него метров сто. Не совсем же дурные, располагаться на краю обрыва, имеющего глубину больше километра.

Быстро переломив ружье, слитным движением вытягиваю пустую гильзу, на автомате сую ее в свободную ячейку патронташа. Обратным движением вытягиваю снаряженный патрон и вталкиваю в ствол. Шелчком закрываю и на вскидку стреляю в то же самое место. На все про все ушло от силы пара секунд, но в свете вспышки от выстрела уже понимаю, что промахнулся. Но почти синхронно с моим бьет хлесткий выстрел из карабина, которым вооружен Китыч.

Молоток. Не зря мы с Сережкой их гоняем на тренировках. Вслед за выстрелом летит горящее полено из костра. Все правильно. Карабин Китыча однозарядный, без магазина. Перезарядка выходит дольше чем у моей старенькой гладкостволки. Я уже снова перезарядился, но стрелять уже не требуется. Пуля винтовочного калибра при попадании в голову не оставляет шансов никому. Особенно если она надрезанная крестом. При попадании в цель пуля раскрывается розочкой, а учитывая, что стрельба ведется из нарезного оружия, то это равносильно тому, что в теле цели бушует сверло, превращая живую ткань в фарш.

Света от полена хватало лишь на то, чтобы немного осветить пространство вокруг места падения. Сырая трава быстро приглушила пламя. Я оглянулся, Китыч уже перезарядился и стоял наизготовку, выискивая цель. Со своего места он не мог разглядеть результатов стрельбы, но видя, что я стою все так же держа на прицеле неподвижную тварь, не спешил опускать карабин. Махнув ему чтобы подходил аккуратно поближе и страховал, я, удерживая в правой руке ружье, левой вынул из самодельного подсумка сбоку небольшой фонарик с механическим приводом динамо-машины. Тусклый слегка желтоватый луч вырвался из-за стекла прикрывающего светодиода, вырывая из темноты неровные очертания окружающего пространства. Во все стороны метнулись размытые тени.

Фонарик этот остался еще с того времени, когда я учился школе. Так и валялся в чулане у мамы. Да уж, хорошо, что селяне в принципе запасливые люди, редко что выбрасывают на помойку. Много интересного по сараям и чуланам мы нашли в период. Когда только начали осознавать, что связь с большим миром потеряна. Можно сказать, все технически сложное оборудование, имеющиеся в строю – было собрано из хлама в прямом смысле слова.

Я навел луч света на лежащее без движения существо, но приближаться не стал. Ждал пока Китыч подойдет поближе и сможет уверенно прицелиться. На первый взгляд тварь походила... Да хрен его знает на что оно походило. То ли на пса, то ли на крысу. В тусклом свете фонаря очертания угадывались весьма смутно. Дождавшись, когда Китыч приблизится ко мне, я передал ему свое ружье. Конечно карабин более мощный, чем гладкостволка двадцатого калибра, но есть нюанс. Снарядить патрон для моего оружия, возможности есть. А вот боеприпасы для карабина жуткий дефицит. Пополнить неоткуда. К сожалению, с оружием в селении дела обстоят не лучшим образом. Несколько десятков охотничьих гладкостволов, пара охотничьих же карабинов и вот это вот раритет, коорым вооружен Китыч. Году в шестом, брат приобрел его с рук, да так толком и не пользовался. Вот теперь Китыч с батиным эксклюзивом ходит. На момент Конца, в селе не было не то что оружейных магазинов, но даже одеда полиции. А от других населенных пунктов мы оказались отделены огромными разломами, прошедшими по руслам рек. Так и варились в собственном соку все семь лет.

Пару месяцев назад произошло землятресение. Чем оно было вызвано, так и осталось загадкой. Ну а потом в селение появилась неизвестная тварь. Разорвавшая трех человек, прежде чем ее удалось уничтожить. Нетопырь – больше всего похожее, на кузнечика-переростка, но с густым мехом по всему телу и без каких либо признаков крыльев.

Убедившись, что Китыч взял на прицел тварь, я аккуратно двинулся вперед, освещая себе путь фонариком. Пройти нужно было не более двадцати шагов, но осторожность не помешает. Чем ближе я становился, тем лучше мог разглядеть неожиданного ночного визитера. На первый взгляд это была точно такой же нетопырь. На всякий случай вытянул из сапога нож. Вряд ли он сильно поможет, но совсем безоружным, как то ссыкотно. Нетопырь лежал абсолютно неподвижно. Вот в свет луча попала голова со страшными жвалами, больше напоминающими кузнечные клещи. Точнее не голова, а то что от нее осталось. Китыч редко промахивался. Даже в темноте. Этого у него было не отнять – стрелок от бога. Подойдя вплотную, я в пару взмахов ножа отделил остатки головы от туловища и отпнул ее подальше. Хрен его знает, что это за тварюга такая. Вдруг она регенерирует со страшной силой. Ту, что завалили в селении мы сожгли. Но в данный момент такой метод был неосуществим. Слоняться в поисках достаточ-

ного количества дров в крошечной темноте – дураков нет. Так и держа нож в руке, я вернулся обратно к костру. Китыч, видя, что я спокоен тоже присел рядом со мной, протянув мое ружье.

– Что это было? – голос Китыча от прилива адреналина слегка дрожал.

– Нетопырь. – мне не очень хотелось разговаривать. Но племян такой вот человек. Ему тяжело находиться в тишине. Потому и не берем мы молодых в дальние выходы и на охоту. Хоть мутантов у нас здесь не водится. Точнее не водилось до последнего времени. Но голодный медведь или стая волков тоже не подарок. Потому приходилось во время вылазок по окрестностям соблюдать определенную осторожность. Вот вроде прошло то немного времени с Конца, но зверье расплодилось так, что выйти страшно. Да и повадки изменились. Раньше они человека обходили стороной, а теперь наоборот, устраивали охоту при первом удобном случае. Будто знали, что у нас проблемы с боеприпасами.

– Это второй нетопырь за месяц. Как думаешь, появился путь на ту сторону где-то? А Мих? – Китыч ну прямо физически не переносил молчания похоже. Ну да ладно. Все равно сейчас должна подтянуться тревожная группа, смысла соблюдать тишину нет.

– Помнишь, была серия толчков? Вполне допускаю, что где-то появилась возможность перебраться на эту сторону. Вот только не знаю, хорошо это или плохо. – я говорил в полголоса.

– Конечно же хорошо. Это значит, что мы больше не заперты на этом клочке. Можно будет попробовать добраться до Белорецка. Вдруг там кто выжил. – голос Китыча звенел от возбуждения.

Добраться до Белорецка... Сколько раз мы проклинали Разлом, отрезавший нам путь до ближайших крупных населенных пунктов. Запасы лекарств, провизии, оружия. Да просто надежда на то, что есть еще выжившие кроме нас. Но это не представлялось возможным. Сколько человек мы схоронили из-за банального отсутствия аспирина. Я крепко сжал зубы. Болезни регулярно собирали свою жатву. Но вот только лекарств взять было неоткуда. Если бы он знал, как я сам желаю рвануть на поиски перехода немедленно. В надежде достать антибиотики. Пусть даже просроченные. Хоть какие-нибудь... Регина простыла. Попала под дождь. Уже вторую неделю не падала температура. Народная медицина не помогала.

Не успевший толком начаться разговор прервал окрик со стороны тропинки ведущей к стационарному опорному пункту, построенному для контроля этого сектора.

– Анархист, твою мать, ты чего стрелял. – ну да. Сегодня старшим в дежурном подразделении Птиц. Только он мог материться в мой адрес. Остальные рисковали получить пару переломов. Ну а что вы хотели. Полиции нет, каждый мнит себя главным. Мнил... По первости бывало... Нет, желания вспоминать нет. Слишком тогда, в первые месяцы после Конца было мерзко. Даже для меня мерзко.

– Птиц, я тебе когда-нибудь сломаю челюсть. – я встал чтобы встретить пожаловавшую тревожную группу. Сплошь молодняк. Ну да. Надо же их натаскивать. Людей нашего с Птицем возраста было мало. В основном в селении были либо те, кто перешагнул сороковник еще до Конца, либо те, кто тогда учился в школе. Мы с Птицем оказались тут совершенно случайно.

– Чего патроны то жгли? – видя, что я не склонен к шуткам, Птиц стал серьезнее, поправляя на переносице замотанные скотчем очки.

– Нетопырь, Серег. Нетопырь. – наблюдая, как пять бойцов начали грамотно расходиться, беря сектор под свой контроль, я в который уже раз подумал, что мне тоже не мешало бы натаскать хотя бы пару человек в качестве бойцов-рейнджеров.

Вот только в отличие от Птица, до удара бывшего учителем, у меня желания учить не было. Предпочитал работать в одиночку. Потому и позывной у меня был соответствующий. Анархист. Не признавал я начальства над собой. Не признавал и все тут.

– Значит, тот гость был не случайным. – Птиц закинул ружье за плечо. – Видимо ты прав, и проход действительно появился. Пойдем, покажешь.

Мы медленно двинулись в сторону тела нетопыря. Что я мог сказать. Да, я думаю проход появился. А еще я знаю, что завтра уйду в поиск. Я не могу смотреть как угасает моя жена. Пусть она не идеально, но все эти годы мы были вместе. Даже когда я был в контрах с остальными жителями поселка. Она ушла в горы со мной. Я не отдам ее смерти. Не отдам...

Небо понемногу серело, переходя из крошечной тьмы ночи в вечно-хмурый день. Птиц без особого интереса оглядел безголовое тело нетопыря. И заозирался по сторонам. Будто не решаясь что-то сказать.

– Пошли прогуляемся до трассы. – я понял, что Птиц не хочет, чтобы его слышали бойцы.

Китыч, увидев, что мы направились в сторону старой асфальтовой дороги, рванул было за нами, но увидев мою отмашку, вернулся на место. траса Белорецк – Стерлитамак. Ее ведь так и не дотянули до Стерлитамака. Долгострой. Я усмехнулся. Очередной круг замкнулся. Когда пришел полярный лис, мы с Птицем, как раз ехали по ней.

– Миш. – впервые за годы, Птиц обратился ко мне по имени. – Марина умирает. Я знаю, ты все равно уйдешь. Найдешь путь и уйдешь.

Я вытянул из кармана портсигар. Старый, из нержавеющей стали, открыл его и достал самокрутку. Сигареты давно кончились. Но был самосад-табак. Прикусив зубами, зашарил по карманам в поисках спичек. Это может показаться странным, но запас спичек у нас был громадным. На хрена у одного дедка столько хранилось? Коробок четыреста. Может больше. Да кто ж его знает. Птиц не задавал вопрос, он констатировал факт. А я не знал что ему сказать. Я представлял, что он может попросить. Но вот, смогу ли я выполнить просьбу? Не уверен.

Наконец найдя спички я раскурил самопальную сигарету и вдохнул горьковатый дым. Мы не спеша шли по серому, размытому дождями асфальту, сквозь который уже пробивалась трава, к краю Разлома.

– Серег... я не знаю, что твориться там. – мы как раз добрались до места, где трасса резко обрывалась и начинался разлом. Я кивнул в сторону плохо видимого противоположного края пропасти. – я не могу тебе ничего обещать.

Я сел прямо на асфальт и свесил ноги в пропасть. Курил и бездумно смотрел вдаль. Туман, попытавшийся с рассветом окутать нас дымком, передумал и решил рассеяться. Птиц скинул с плеча ружье, положил его и сел рядом со мной.

– Я не могу обещать. Но я постараюсь вернуться. – выдохнув из легких дым, я продолжил начатый разговор.

– Ты уже решил с кем пойдешь? – Птиц так же бездумно смотрел вдаль, как и я.

Я очень соскучился по солнцу. Прямо в немоготу. Вечно хмурое небо давило на меня. Вызывая раздражение.

– Регина уже два дня не встает. Она совсем плоха. У меня мало времени.

– Значит один?

– Да.

Мы сидели в тишине какое-то время.

– Серег, если я не вернусь через пару дней... – мне было тяжело это говорить. С трудом проглотив комок в горле. – позаботься о сыне.

– А Регина? – Серега посмотрел на меня. Я чувствовал его взгляд. Но посмотреть в лицо старому другу не мог.

– Если я не вернусь, она не выкарабкается. – с трудом протолкнул стоящий в горле ком.

Птиц будто понял, что не стоит бередить мои раны. Он всегда тонко чувствовал состояние людей. Вот и сейчас, промолчал.

В отличие от меня, сумевшего отстоять независимость от поселка и жившего чисто своей семьей, Птиц врос в структуру общества корнями. На недавнем совете, было принято решение не проводить разведку за пределами разлома. Страх неизвестности победил. Люди, заседавшие в совете не хотели перемен. Кое-как налаженный быт, нехватка рабочих рук. Все это давило.

А тут еще нужно кого-то посылать в неизвестность, без малейших гарантий на успех. На это старички пойти не могли. Плевать, что нет лекарств. Плевать, что умирают младенцы. Главное – безопасность.

– Куда ты планируешь пойти? Вдруг совет все же даст разрешение? – Птиц похоже и сам не верил в то, что говорил.

– Дойду до Серменово. Может там кто выжил. – я пожал плечами. – если не будет результата... двину в сторону Уфы по трассе. Мы не знаем как идут разломы. Возможно, что пути нет. А нетопырь... Ну просто наши кузнечики решили мутировать.

Я улыбнулся. Хотя это и стоило мне труда. Птиц и сам все прекрасно понимал. Его не назовешь дураком. Но иногда он закрывал глаза на вещи, о которых не желал знать.

– Понятно. – Птиц замолчал. Наверное думал о чем-то своем.

– Дай закурить. – Я удивленно взглянул на бросившего курить еще до удара Птица.

– Нервы. Миш, не думай, что я не в курсе того, что мы все инфицированы. – ну да. Кто бы сомневался. Тщательно мною хранимая тайна. Время от времени терявшиеся в лесах заболевшие люди. Птицу хватило чтобы понять. – я устал ждать и бояться, что следующим, кто заблудится в лесу будет кто-то из моих. Устал...

Голос друга дрогнул. Ему было тяжело говорить это мне. Я был изгоем, но кроме меня и моего сына, никто не смог выздороветь после вспышки непонятной эпидемии. С тех пор, уже два года, именно мне пришлось выполнять функции санитары леса. Он думает это легко? «Исполнять» тех, кто мог стать опасен для остальных. Но темные времена – темные решения проблем.

– Не надо Серег. Я все прекрасно понимаю. Ты не хочешь, чтобы однажды в рейд со мной ушел кто-то из твоих близких. Или даже ты сам. – я повернул голову и посмотрел на него. – Не бойся. Я не доживу.

Поднявшись на ноги, я отряхнул штаны и взгляделся вдаль. Что-то на той стороне пропасти привлекло мое внимание. Жаль мало света пробивается сквозь облачный покров. И как-будто, на небесах прочитали мои мысли. На миг, сплошные тучи разошлись, и солнечный свет впервые за долгие годы сумрака достигли поверхности, высветив на той стороне белую машину с открытыми дверями.

Я стоял, будто громом пораженный. Белая Шкода Фабия. Та самая, на которой мы ехали в Узян, чтобы встретить Новый две тысячи двадцать первый год. Как давно это было...

Птиц смотрел вслед уходящему в сторону Разлома Анархисту. Не было никаких гарантий, что он вернется. Но, тем не менее, Анархист уже сделал для людей больше, чем кто-либо другой в этом селении. Сергей поправил очки, вечно пытающиеся сползти вниз, и крепче прижал к груди обычную тетрадь на сорок восемь листов. Потрепанная, с пожелтевшими страницами, она содержала записи наблюдений и опытов. Вряд ли кто знал, что Анархист имел собственную лабораторию для исследований. И точно никто не знал, что он ставил опыты над заболевшими. Птиц, лишь мельком глянул последние записи, когда Анархист отдал ему тетрадь. Но даже этого хватило, чтобы понять. Он почти сумел получить лекарство. Вот только не успел. Заболела жена. И Анархист плюнув на все рванул на поиски прохода в большой мир, со слабой надеждой раздобыть антибиотики довоенного производства. Птиц еще раз погладил тетрадь. Об этом не должен знать никто, и он сумеет сберечь эту тайну. А потом, когда, не если, а когда друг вернется, он вернет ее владельцу. Сергей печально улыбнулся. Сколько он знал Анархиста? Года с седьмого, две тысячи который. Двадцать лет. Даже чуть больше. Но этот человек всегда был и будет сплошной загадкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.